

в том, что не будучи знаком со всеми перипетиями и с историей внутрипартийной борьбы, он склонен был смотреть на ожесточенную полемику между меньшевиками и большевиками, как на "спор между сектантами, которые, собственно говоря, во всем согласны между собой и расходятся лишь в не имеющих значения мелочах". Впервые он встретился с одним из представителей меньшевизма (Мартыновым) в условиях, в которых длительная дискуссия была возможна: в тюрьме, для скоротания времени, он предложил обсудить партийную платформу. Арестованных выпустили через два-три дня, но это время они провели в беседе. Хотя, по мнению присутствующих, большевистская точка зрения, представленная им, оказалась сильнее, автор данной книги признает, что

"... впервые мне пришлось задуматься над различием большевистской и меньшевистской тактики, и я почувствовал, что нельзя отмахнуться от меньшевизма, как от мелко-буржуазного соглашательства" .... Короче, эта тюремная дискуссия нанесла чувствительный удар моему большевизму." 1)

В 1924 г., когда он писал свои воспоминания, он подчеркивал, что в 1905-1906 годах он "по-обывательски" оценивал кипевшую внутри партии борьбу:

Не раз подымал я в Комитете [большевистском] вопрос о том, что следовало бы призвать к порядку товарищей, чересчур зарывавшихся во фракционных спорах. Но не в резкости полемики была суть, а в том, что взгляды обоих течений были действительно непримиримы, и именно в 1906-1907 гг. перед партией стояли вопросы, на почве которых представители этих двух течений должны были сталкиваться, как враги. 2)

Я привожу выдержку из воспоминаний, которая этот вопрос полностью освещает:

При подготовке к общепартийному съезду я поставил вопрос: как согласовать дисциплину внутри фракции с дисциплиной в партии? Если мы с меньшевиками составляем одну партию, нужно сообща искать решения стоящих перед партией вопросов. Только тогда мы сможем дружно проводить найденное решение. Если же, напротив, меньшевики наши враги, и никакое соглашение с ними невозможно, нужно разойтись, образовать две самостоятельные партии и не обманывать рабочих разговорами о партийном единстве. Исходя из этих соображений, я предложил: на пред-

1) На Ущерб Революции, стр. 40-41.

2) Там же, стр. 106.

стоящем съезде решать все вопросы в пленуме, без фракционных совещаний.

Ну и досталось же мне за эту "малиновшину" от товарищей. Снисходительнее других отнесся к моей "ереси" сам Ленин. Он объяснил мое выступление тем, что я незнаком с обстановкой партийных съездов, и выразил свою уверенность, что на предстоящем съезде я буду действовать, как причлещает дисциплинированному большевику.

Но возражения товарищей не поколебали моей уверенности в возможности оздоровить партийную жизнь предложенным мною способом. Я твердо стоял на своем и потому, поблагодарив Ленина за лестное мнение обо мне, заявил:

- Если вы поручите мне представлять на съезде петербургский организованный пролетариат, я буду выполнять свой мандат, считаясь лишь с партийной дисциплиной и отвергая всякую дисциплину фракции.

Части рабочих большевиков моя позиция понравилась. Но комитетчики почти все были против меня.

Когда пришло время составлять списки кандидатов на съезд, большевистский центр решил меня в делегаты не пропускать. Решение было принято с мотивировкой, в которой не было для меня ничего обидного и которую я мог бы счесть даже лестной. Большого желания ехать на съезд и воевать там с товарищами у меня не было. Я принял устранение моей кандидатуры без малейшего неудовольствия и считал, что вопрос этим исчерпан. Но некоторые члены "ораторской коллегии" запротестовали и решили проводить отвергнутого кандидата на съезд. Кампания, вообще, была нелепая, так как ни у меня, ни у товарищей, проводивших меня на съезд, не было никакой особой платформы, отличной от платформы П.К. [Петербургского Комитета]. У меня лично было еще хоть "особое мнение" по вопросу о дисциплине и фракционной политике. А у моих "сторонников" и того не было, было лишь оппозиционное настроение по отношению к центру.

В конце концов, когда подсчитали голоса во всех районах, оказалось, что за список П.К. подано, если память меня не обманывает, около 4,000 голосов, а за меня лично около 3,000 голосов. Таким образом, я оказался обладателем шести мандатов на съезд. 1)

Петербургский Комитет предложил победившему кандидату или ехать на съезд во главе независимой группы, или передать его голоса партийному большевистскому центру. Он выбрал последнее, и при следующей встрече Ленин сказал ему:

"Вас может быть удивляет, почему мы не утвердили ваших выборов. Я возражал против вашего присутствия в делегации. Я знал, что вы будете голосовать с

1) На Ущерб Революции, стр. 197-99.